

УДК 314.72

DOI: 10.30624/2220-4156-2023-13-2-345-355

Пространство моторики обских угров и самодийцев как феномен «северности»

В. И. Сподина

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
vspodina@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Вынесенное в название статьи понятие феномен «северности» позволяет представить север Западной Сибири как арену подвижных культур, модель освоения обскими уграми обширного пространства и установления над ним своего контроля. В фокусе внимания автора статьи – моторика движения, наложившая отпечаток на ментальность как специфический стиль мировосприятия. Его можно распознать по многим аспектам, одними из которых являются биомоторика, психомоторика, социомоторика, особенности которых как этнического феномена раскрываются в данной статье.

Цель: выявить культурно-детерминированную систему модусов движения на фоне историко-этнографических реалий, а также их репрезентации в фольклоре и традиционном мировоззрении обских угров и самодийцев.

Материалы исследования: сборники фольклора, данные лингвистики и этнографии из опубликованных источников, топонимические и лингвистические словари, устные сообщения информантов.

Результаты и научная новизна. В статье обозначены три потока движения: биомоторика, психомоторика и социомоторика. Первый связан с внутриконтинентальными миграциями угров-кочевников с запада через Урал на территорию Нижнего Приобья (предания о людях *Пор* и *Моц*, космогонический миф о погоне за шестиногим Лосем) и со стороны Южного Урала на территорию Западной Сибири (движение народа *моцъ* – обитателей огромных стад животных и живущих в «суконных домах»). Исследуются и внутренние перемещения отдельных локальных групп в поисках новых кормовых или охотничье-промысловых угодий (героическое сказание о вожде-богатыре *Пякв Пбсы Войкан отыр*, предание о расселении предков манси по рекам С. Сосьва и Ляпин).

В статье впервые системно представлено расширенное толкование понятия моторики как движения, нашедшего отражение в ментальной сфере (психомоторика): путешествия богов обско-угорского пантеона, подвижный характер души человека, совершающей перемещения по ярусам мироздания, представление о различных траекториях движения времени, а также социомоторики как дрейфа родства. Таким образом, движение рассматривается в пространственно-временном континууме, слитность представлений о котором характеризует феномен «северности» как неповторимого способа построения этнической картины мира.

Ключевые слова: биомоторика, внутриконтинентальные миграции, сезонные миграции, путешествие, психомоторика, социомоторика, феномен этничности, дрейф родства, ханты, манси

Для цитирования: Сподина В. И. Пространство моторики обских угров как феномен «северности» // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 2 (53). С. 345–355.

The space of motility of the Ob Ugrians and Samoyeds as a phenomenon of “Northernness”

V. I. Spodina

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
vspodina@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the concept of a phenomenon of “Northernness” in the title of the article makes it possible to present the North of Western Siberia as an area of mobile cultures, a model of the development of vast spaces by the Ob Ugrians and the establishment of their control over it. The focus of the author’s attention is the motility, which has left an imprint on mentality as a specific style of perception of the world. It can be recognized in many aspects – biomotility, psychomotility, sociomotility, – the features of which as an ethnic phenomenon are revealed in this article.

Objective: to reveal a culturally determined system of movement modes against the background of historical and ethnographic realities, as well as their representation in the folklore and traditional worldview of the Ob Ugrians and Samoyeds.

Research materials: collections of folklore, linguistic and ethnographic data from published sources, toponymic and linguistic dictionaries, oral reports of informants.

Results and novelty of the research: the article identifies two streams of movement (biomotility) associated with the intracontinental migrations of Ugric nomads from the West through the Urals to the territory of the Lower Ob region (legends about the people of *Por* and *Moshch*, the cosmogonic myth of the pursuit of the six-legged Moose) and from the Southern Urals to the territory of Western Siberia (the movement of the people *Moshch* – the inhabitants of huge herds of animals and living in “broadcloth houses”). The internal movements of individual local groups in search of new forage or hunting and fishing grounds are also being investigated (the heroic legend about the bogatyr *Pākv Pōsy Vojkan Otyr*, the legend about the settlement of Mansi ancestors along the rivers of Sosva and Lyapin).

The article for the first time systematically presents an expanded interpretation of the concept of motility as movement, reflected in the mental sphere (psychomotility): the travels of the gods of the Ob-Ugric pantheon; the mobile nature of the human soul moving through the universe’s layers; the idea of different trajectories of the movement of time; sociomotility as the drift of kinship. Thus, the movement is considered in a space and time continuum, the unity of ideas about which characterizes the phenomenon of “northernness” as a unique way of constructing the ethnic picture of the world.

Key words: biomotility, intracontinental migration, seasonal migration, travel, psychomotility, sociomotility, phenomenon of ethnicity, kinship drift, Khanty people, Mansi people

For citation: Spodina V. I. The space of motility of the Ob Ugrians and Samoyeds as a phenomenon of “Northernness” // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2023; 13 (2/53): 345–355.

Введение

Поводом для написания данной статьи послужил тезис А. В. Головнёва о том, что «гуманитарная наука нуждается в расширении исследовательского диапазона и обогащении своего языка, особенно сегодня, когда над ней навис вопрос об адекватности динамическим реалиям» [6], а также сформулированное исследователем такое новое направление научных исследований как антропология движения, которое позволяет истоки и мотивы перемещений встраивать в мотивационно-деятельностные схемы.

Поиск подходов к изучению природы мобильности (т. н. «мобильный поворот») обозначился ещё в 1980-е гг. как необходимость «заместить устоявшееся в науке статическое мышление новыми подходами, основанными на динамике и мобильности» и связан с такими именами, как С. Harzig, D. Hoerder, D. Gabaccia, E. Leed, S. Low, S. Merry [40; 41; 42], аналитический обзор концепций которых представлен в статье А. В. Головнёва [8, 6].

Миграции в древности достаточно широко освещены в этнографической литературе в связи с проблемой происхождения обских угров [1; 17; 19; 20; 26; 36, 34–48; 37]. В представленной статье мы делаем акцент на отражении данных процессов в фольклоре. К теме миграций в начале 1990-х гг. обратилась Е. И. Ромбандеева, указав на два сказания (о «Людях Мось и Пор», о «Млечном пути на небе»), в которых содержатся сведения о маршруте миграции предков манси с юга (по р. Печоре) на север (через Саквь в Пашторы на Оби) [33, 16; 34, 35–45]. С опорой на мифологические

представления к теме миграций северной группы манси с Урала и Приуралья на территорию таёжной части Западной Сибири подошла С. А. Попова. Исследователь, на основании анализа сюжета мифа «О погоне и добыче шестиногого лося», одной из первых высказала предположение о влиянии миграций на смену почитания лося на поклонение медведю [29, 97], реконструировала маршруты миграций манси с Уральских гор до устья р. Сосьва, отражающие процесс расселения северной их группы и освоение ими новых территорий [32, 741–754].

Вопросы коммуникаций локальных групп обских угров нашли отражение в публикациях Е. В. Переваловой, которая на основании мифа об охоте на Небесного лося, распространённого у северных манси, северных и восточных хантов, отмечает в качестве «наиболее освоенных маршрутов» переходов манси через Урал на Нижнюю Обь течение рек С. Сосьвы и Ляпина [25, 170]. В другой своей работе, посвящённой изучению этнической истории северных хантов, исследователь выходит на важную тему – отражение в ментальной схеме идентичности родства по божеству, которое происходит у обских угров «в процессе продвижения угорских групп с запада и юга в низовья Оби» [27, 89]. Л. В. Кашлатова проследила пути продвижения обских угров на территорию Нижнего Приобья сквозь призму наиболее почитаемых женских богинь впервые в культурологии раскрыв «кочующий облик» божеств женского пантеона [15]. Исследование путей миграций предков финно-угорских народов на основе методов сравнительно-

исторического языкознания нашло отражение в работе В. В. Напольских [24].

Накопление научных знаний о различных аспектах миграционных процессов привели к появлению такого направления исследований как «антропология движения», связанного с научными изысканиями А. В. Головнёва [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11]. В них сложные пространственные стратегии характеризуются как «генерирование историко-антропологического знания о мотивах действия и их активации...» [6].

В статье мы поставили перед собой задачу расширить толкование двигательной активности не только в аспекте биомоторики на материалах фольклора (миграции, путешествия), психомоторики как духовного пространства социума («кочевой» облик божеств, путешествие души, представления о движущемся времени), но и социомоторики в аспекте дрейфа родства. Данный подход позволит раскрыть феномен «северности» как движения и в ментальных его проявлениях.

Материалы и методы

В качестве материалов исследования были привлечены мифы, предания, опубликованные в фольклорных сборниках [21; 45], данные лингвистики и топонимики, извлечённые из словарей [12; 38], материалы из опубликованных этнографических статей и монографических изданий, а также устные сообщения информантов.

Использовались: метод систематизации, соответствующий дескриптивному подходу, позволяющему описывать этнографическое явление на основе суммы фактов, полученных на основе различных видов источников, а также метод феноменологической редукции, разработанный немецким философом Э. Гуссерлем, акцентирующий внимание на смысловой данности источника.

Результаты

Биомоторика. Миграции являются самым заметным выражением движения в антропологии. В соответствии с поставленными задачами сосредоточим своё исследование на двух группах миграционных процессов, структурированных по географическому принципу: внутриконтинентальных миграциях, связанных

с перемещениями между микрорегионами и внутренних, не выходящих за территорию обжитого пространства отдельных локальных групп обских угров.

Внутриконтинентальные миграции. Урал являлся одним из очагов освоения севера Евразии в среднем и верхнем палеолите, когда обычным было следование человеческих коллективов за каким-либо зверем, при этом «у человека была своя система движения, эпизодами совпадавшая с маршрутами животных, но имевшая иную доминанту – общий контроль над пространством» [5, 81–82]. С климатическими изменениями конца II тыс. до н.э. археологи связывают продвижение части угорских племён на север и их слияние с местным аборигенным (уральским) населением [22, 71, 72]. В мифах и исторических преданиях о людях *Пор* и *Мõц* описываются передвижения угров-мигрантов (*пор ёх* и *мось ёх*) с запада (через Урал) и с юга (по Оби) на территорию их современного проживания (Нижнее Приобье). Так, сюжет космогонического мифа «О погоне и добыче шестиногого лося» описывает преследование *Мõцхум* 'ом ('Мужчина *Мõц*') шестиногого лося с южной части Урала (манс. *ур алы õвыл* 'начальные/южные горы') на его северные отроги (манс. *ур луйи õвыл* 'конечные/северные горы'), отрубание двух задних конечностей, в результате чего лось теряет святость и становится добычей любого охотника [21, 66–70, 297; 30, 105]. С. А. Попова отмечает, что в упомянутом мифе вначале за шестиногим лосем гнался *мёнкв*, с которым «пришлось столкнуться народу *Мõц* и отвоёвывать у племени *мёнкв* понравившуюся территорию» [30, 106]. На основе этимологического анализа названия *мёнкв* (в древне-мансийском языке означало *мон-кав* 'мать-отец', а в современном мансийском соответствует слову *щãнь-ащ* 'родители', букв.: мать-отец), исследователь впервые приходит к заключению об исконно мансийском компоненте данного мифологического персонажа [31, 94]. По предположению известного мансийского собирателя фольклора П. Е. Шешкина *мёнкв*'ы относились к подразделению *порне-махум*, являлись наиболее древним населением Зауралья и двигались на восток со стороны Южного Урала. Под натиском более организованного и лучше

вооружённого народа *Мбц*, им пришлось отступить. В мифах племени *мбц махум* 'народ *мбц*' владеют огромными стадами («[животные] как черви кишат»), их жилища изготовлены из войлока (*нуй кол* 'суконный дом'), как юрты тюркоязычных скотоводов, южных соседей манси. Возможно, какая-то их часть, жившая ранее на Урале, откочевала на Юг, оставив в представлениях манси воспоминания о тёплом крае, как обители духов-предков и месте перерождения души покойного и о холодном Севере, где располагается мир мёртвых [18, 109–110].

Вторую группу составляют *внутренние миграции*. По данным археологии «в эпоху бронзы (рубеж III–II тыс. – VIII–VII вв. до н. э.) получили развитие производящее хозяйство, а параллельно с ним этнокультурная дифференциация и миграции» [35, 102]. В фольклоре прослеживаются ряд переселенческих потоков, один из которых связан с миграцией части населения с *Ахвас ус Отыр Пāvыл* 'Деревни богатыря [с] Каменного города', расположенной в верховьях С. Сосьвы до устья реки (д. Чуанели), а второй – с походом из данного родового поселения братьев его основателя – *Пāvк Пбсы Войкан отыр'а* [как] Ядрышко Шишки Светлый *отыр'* с воинами на поиски героя сначала – до зырянской деревни Шайтанка, а затем до д. Сартынья (манс. *Сортың я 'Щучья река'*). Их потомки, под предводительством *Отыр ныг'а*, (букв.: Сына Именитого *отыр'а*), уходя ещё дальше, на р. Сыгва / Ляпин, основывают поселение *Хорыу пāvыл* '(у) Болота поселения'. Таким образом, сказание о вожде-богатыре *Пāvк Пбсы Войкан отыр*, воспроизводит маршруты миграций манси с Уральских гор до устья р. С. Сосьва и до Ляпина, их расселение по рекам и складывание сосьвинско-ляпинской локальной группы в процессе освоения ими новых территорий.

Психомоторика. Движение не ограничивается только биомоторикой. Оно является одной из ментальных доминант северных народов и находит проявление в психомоторике, неразрывно связанной с такими когнитивными процессами как память, мышление, ощущение, восприятие, представление и др. Так, например, в традиционной культуре обских угров складывался «кочующий» облик божеств.

Самой подвижной представляется богиня, известная под именем *Калтась* (*Каттась*, *Калтац*) у северных хантов, а у манси – *Калтась-Эква*. В фольклорных источниках она предстаёт постоянно путешествующей: «<...> на краю другой деревни, я там покажусь, на краю другого города, я там покажусь <...>» [44, 359–360]. Не случайны в связи с её перемещениями различные ипостаси богини: орнитоморфные (гусь, лебедь, ворона, кукушка), зооморфные (заяц, лягушка, бабочка). Считалось, что в образе лебедя она весной возвращалась из тёплых южных краёв (хант. *Морт мув*, манс. *Мортым ма* – земля предков), а осенью улета-ла обратно [14, 83–84]. Её сестра – *Касум-ими* – также была великой путешественницей. Согласно легенде, она пришла на Казым с реки С. Сосьва, о чём говорит один из её фольклорных эпитетов – *Еману кев пасау, кев шиншан аэн най* 'Священный камень, святой камень у порога (Урала) великая *най*'. Устойчивым фольклорным фразеологизмом, описывающим богиню, является выражение «много кос имеющая голова», что «очень напоминает богинь на прикамских бронзовых изображениях V–XI вв., относящихся к пермскому звериному стилю» [2, 113]. *Касум ими* каслала с оленями к р. Казым, поднялась вверх по течению р. Вош-еган, затем проехала к оз. Нум-то на остров, где и поселилась. Её путь хорошо прослеживается по данным топонимии [13, 371, 373], и соотносится с продвижением угров-мигрантов с запада на восток в бассейн р. Казым и оз. Нум-то.

Другая богиня казымских хантов – *Ар-Хотыу-Ими* 'Многих-Домов-Женщина' (покровительница р. Помут), не была коренной «жительницей» Казыма. Согласно священной песне она живёт «В стороне безлесой тундры, / В стороне бестравной тундры, / В обветренными нюками покрытом доме, / Я, *най*, восседаю» [23, 30]. Другое её имя – *Мосум-Ими* 'Назымская Женщина'. Согласно легенде она, не дождавшись с охоты мужа, вместе с малолетним сыном отправляется на его поиски. Дойдя до р. Назым, делает привал и оставляет там своего сына охранителем живущих здесь людей [15, 129]. Также постоянно кочующей предстаёт Агана Великая Женщина – покровительница аганских хантов и аганских лесных ненцев.

Следует отметить, что путешествуют не только боги, но и ментальная сущность человека. Образ души, ассоциируемый с психомоторикой, также связан с движением. Е. И. Ромбандеева на основании данных фольклора, приводит наименования пяти душ у манси, одна из которых – *уртэ*, отправляется в тёплые края после смерти или до смерти человека [33, 94]. Ханты с р. Сыня также считали, что все души умерших людей улетают на юг (Верхний мир) с перелётными птицами. Т. В. Волдина уточняет, что для души женщины доступен только четвёртый ярус мироздания, а для души мужчины – пятый. На шестом и седьмом обитал верховный бог *Торум* и «его ближайшее окружение» [3, 4].

Горизонтальный вектор движения души в мировоззрении северных хантов представлен траекторией её путешествия перед уходом в мир иной по территории «проживания» личных духов-покровителей человека. Для среднеобских хантов такими святыми местами были Калтысянские юрты (место проживания богини Калтась), Белогорье (местонахождение *Мир-сусне-хум’а / Ас-тый-ики*), Вежакары (место обитания *Ялтус-ойки / Ем-вож-ики*) и конечный пункт – Ванзеват (место обитания *Хинь ики* – Хозяина Нижнего мира). Если *Хинь ики* разрешает «душе пройти дальше, то она окончательно уходит на север, в землю смерти, расположенную около устья Оби» [43, 187–232].

В представлениях лесных ненцев, связанных с ментальной сущностью человека, обнаруживается очень быстрая и подвижная душа *ви’* («ум», «мысль»). Вместе с другой душой – *тилмя* ‘душа-тень’ она может путешествовать по всем сферам мироздания одновременно. Душа проявляет подвижность даже тогда, когда человек спит. *Тилмя* ‘душа-тень’ лесных ненцев регулярно покидает человека во время сна. Поэтому ненцы (как и ханты) избегали под страхом смерти внезапно будить человека, чтобы его душа *тилмята каття куптана* («за пределы нашего мира») не ушла. Как видим, пространство перемещений души человека гораздо масштабнее миграций и кочеваний богов обско-угорского пантеона. Касаясь так называемого «духовного кочевья», А. В. Головнёв подметил, что для рассылки, согласо-

вания и координации сигналов в психомоторике в определённых культурах служит комбинирование душ. «Например, у хантов 5 душ (у мужчин), из которых одна связана с миром предков, другая – с жизненным миром, третья – с вращающимся небом, четвёртая – с подземельем, пятая – с лесом. На мой взгляд, подобные “примитивные” картины точнее и ярче передают дизайн психомоторики, чем многие наукообразные конструкции» [11, 32].

Психомоторика присуща и представлениям, связанным с восприятием времени. Представление о различных векторах движения времени наиболее ярко проявляется в модусах сакрального времени. Оно было неременным условием ощущения мира человеком традиционной культуры. Сакральному времени присущи ряд свойств, отличающих его от профанного времени, а именно: способность ускорять или замедлять ход событий (перцептуальность), поворачивание, обратимость времени вспять (инверсность). Так, например, герой одного из хантыйских мифов, очутившись в ослепительно сверкающем небесном доме верховного божества *Торум’а* потерял сознание на три года, а очнувшись подумал, что проспал три дня. Герой мансийского «Священного сказания о возникновении земли» по возвращении из подводного царства, куда он отправился за невестой – дочерью водяного царя, обнаружил на берегу только прах своего коня. Водяной из ненецкой волшебной сказки *Тэта Колмулей* ‘Хозяин *Колмулей*’ предлагает герою провести у него три ночи, за это время «на земле пройдёт три года» [39, 59].

Микропространства с перцептуальным ходом времени характерны для пограничья – местообитания людей и духов иного мира, например, водных. Девушка из мансийского предания «Атуман и Соловара», остановившись на миг у берега реки, услышала доносившиеся из-под воды звуки песни, а вернувшись домой, узнала, что отсутствовала три дня [21, 268, 422]. Ханты с р. Салым верили, что в Нижнем мире события происходят в два раза быстрее, чем в Среднем мире людей. Представления о неодинаковом ходе времени относительно ярусов мироздания присущи и сургутским хантам полагавшим, что «время на разных ярусах Вселенной протекает с различной скоростью

(чем выше ярус Верхнего мира, тем скорость больше) и лишь в мире, в котором проживает человечество, время протекает с одинаковой скоростью и в одном направлении» [28, 69]. Поэтому обыденное время Среднего мира относительно скорости движения в Нижнем и Верхнем мирах ощущается как медленно текущее. Ещё более определённо относительно несовместимости «потустороннего» и «земного» времени в сибирско-языческом миропонимании высказался М. Ф. Косарев: «В одних внеземных и околоземных пространствах оно движется быстрее, чем в нашем Среднем мире, в других – медленнее, в-третьих вообще практически стоит на месте, в-четвёртых течёт в обратном направлении (не в будущее, а в прошлое)» [16, 171, 172]. Как видим, в традиционном мировоззрении обских угров нашло отражение представление о разновекторности и скоростных характеристиках движения времени относительно структуры мироздания.

Инверсность времени проявляется в нарушении линейного вектора его движения (прошлое, настоящее, будущее). В мифологическом времени обнаруживаются примеры его разнонаправленного движения, не только вперёд (посолонь), но и назад, в обратную сторону, что является самым страшным проклятием: *вос ювле сѳсхаты* ‘пусть (твое время) обратно потечёт’ (манс.). Возможность обратного хода времени наиболее ярко выражена в погребальном обряде, где время течёт вспять. Справедливости ради следует указать на один пример, являющийся исключением из этого правила. Такое состояние времени, когда оно одновременно движется и вперёд (*кукехена*”) и назад (*кунянехена*”) у лесных ненцев означает неподвижность, вечность мира во времени и пространстве.

Возможно с определёнными культурными особенностями связано пространственное представление времени, как «исходной формулы нерасчленённого времяпространства» [9, 73], присущей ментальности кочевника-оленевода. Следы давней традиции пространственного восприятия времени – типичный приём архаического мышления, что выражается в предикативных метафорах обско-угорских языков, составляющих разряд «время – движущаяся сущность», например: каз. хант.

«время уходит» (*пора и хйцэж*), «время (его) пришло» (*йитэж йухтэс*) [12, 103; 38, 81]; шур. хант. «время остаётся» (*пора хйцэж*), «время быстро идёт» (*пора сора мйнэж*), «время пришло» (*пора сора мйнэж*), «время от времени приходит» (*пора порайна йохтэжйэж*), «тянет время (букв.: время оставляя ходит)» (*пора хйман ййухэж*), «пришло время ехать (букв.: ехать время пришло)» (*мйнты порайэж йохтэс*) [Устное сообщение А. А. Шияновой. Ханты-Мансийск. 2023]; манс. «время пришло» (*пора ёхтыс*), «мой час настал, моя пора пришла» (*сёсум ёхтыс, порам ёхтыс*), «его дни медленно двигаются [дальше]» (*хоталэ ласьяквег та минэгыт*), «время тянется» (*пора хартхаты*), «время мчится» (*пора нуйхаты*), «время гонится» (*пора тотхаты*), «время медленно идёт» (*пора ласял юв*) [Устное сообщение Л. Н. Панченко. Ханты-Мансийск. 2023].

Воплощением представлений о нерасчленённости времени-пространства, свойственных мифологическому сознанию, становится божество. В традиционной культуре ненцев таким персонажем божественного пантеона является один из сыновей верховного божества Нум’а – Нумгымбой ‘Звёздный’, которого А. В. Головнёв отождествляет с духом времени, обитающем «более на Земле, чем в Небе». «Его можно представить совершающим звёздный путь по небу, идущим от края до края земли и даже заходящим за эти края, в Нижний мир» [4, 431].

Социомоторика как техники социального поведения. Как было отмечено выше, в процессе миграций складывались локальные (территориальные) группы обских угров, расселённые по обширным бассейнам обских и иртышских притоков, каждая из которых имела своего духа-покровителя («родство по духу») и приобретение иноэтничных элементов посредством семейно-брачных отношений к родовым устоям эндогамной кровнородственной группы. Так складывалось «новое родство» изначально неродственных подразделений обских угров. Например, дух-покровитель рода северных хантов *Нёранса-ёх* – *Курык ики* (‘Орёл-старик’) почитался не только представителями фамилий Озелов, Назаров и Сюлис, но и входящими в это подразделение представителями

рода Хунзи (*ур ёх*), которые считались ненецкими пришельцами. В локальную группу манси низовий С. Сосьвы *Тагт махум* ('Люди Сосьвы') входят фамилии Анимовы, Гандабины, Лихачёвы, Монины, Пакины, Самбиндаловы, Сангилевы, Саратины, Тасьмановы. По данным В. Н. Чернецова Анимовы в прошлом были выходцами из подфратрии *Ёрн-колын махум* ('Самоедских домов народ'), то есть были ненцами тотемом которых являлся *Сарт-ойка* ('Щука'). И вместе с тем они почитали *Калтац-экви* – главную богиню северных хантов и манси. Тасьмановы в прежние времена жили за Уралом на р. Есьва и были зырянами, мигрировали с верховий Сев. Сосьвы в низовья реки в первой половине XIX в. и стали почитать региональных мансийских духов-покровителей *Нярас-най экви* ('Лягушка-княгиня') и *Мир-сусне-хума* ('За миром следящий человек').

Экспансия «нового родства» требовала поддержания монолитности социальной общности, основанной на «новом родстве», схема поведения которой, складывалась помимо «родства по духу», также и единству по культу, обряду, ритуалу. Важнейшим коммуникационным вектором движения являлось посещение особо значимых ритуальных центров. С подачи В. Н. Чернецова и З. П. Соколовой Вежакары обрели статус культового центра фратрии Пор и места поклонения мифологическому предку – Старика Священного города (манс. *Ял-ус-ойка*; хант. *Ем-вож-ики*). Для скрепления такого родства неродственных групп требовалось постоянно поддерживаемые коммуникационные движения. Их алгоритм заключался в посещении особо значимых ритуальных центров. Одним из них были культовый комплекс территориальной группы северных манси и хантов фратрии Пор и обских угров в целом в Вежакарах, где проводился периодический Медвежий праздник *Яныг ййкв* ('Большие танцы'). Кроме близкородственного круга (жителей селений Вежакары, Комудваны и Проточные), сюда съезжались ханты и манси из юрт из С. Сосьвы, Казыма, малой и Большой Оби, привозя с собой родовых духов к духу-покровителю высшего ранга. Очевидно, что такая систематическая локомоция (один раз в семь лет) являлась демонстрацией группового

единства всех прибывших на праздник по духу-предку.

Обсуждение и заключение

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что движение является важной отличительной особенностью северных этносов и находит проявление в биомоторике, психомоторике и социомоторике.

Биомоторика характеризуется внутриконтинентальными миграциями, а также перемещениями в границах определённого микрорегиона (военные походы-столкновения за обладание новыми территориями, дальние сезонные переколёвки в поисках новых кормовых или охотничье-промысловых угодий).

Движение в психомоторике связано с ментальной сущностью человека. В традиционной культуре большой двигательной активностью обладали боги, которые перемещались вместе с коллективами людей по территории Урала и Зауралья. Кочевой характер божеств может служить иллюстрацией существующих издревле межкультурных контактов локальных групп обско-угорского населения, отражает этническую историю, процесс освоения новых территорий и как результат – мифологизацию путей их движений в границах освоенной территории. Подвижный характер присут и реинкарнирующей душе обских угров (*лил*) и одной из душ лесных ненцев (*ви*'), которые могут совершать путешествия по слоям многоэтажного мира (вертикальный вектор движения) и по сакрально значимым местам освоенной территории (горизонтальный вектор движения). В понятие психомоторики мы включили восприятие времени. Это очень важная категория для понимания концепции антропологии движения. Помимо того, что время в традиционной культуре имеет различные способы движения (ускорение, замедление, направленное вперёд и в обратную сторону), оно ещё и антропоморфно (приходит, уходит, мчится). Однако самая важная особенность темпоральных представлений обских угров и самодийцев состоит в представлении об онтологической слитности времени-пространства.

Особенностью проявления социомоторики в пространстве движения является так называемый «дрейф родства», который выражается

в почитании общего предка, в мифологизации мест поклонения ему изначально неродственных групп и формирование на этой основе единой социальной общности.

Как видим, движение является всеобщим маркером не только человеческих коллективов,

но и их ментального и социального пространства. Именно движение в разных проекциях его проявления составляет феномен «северности», как особого образа жизни в специфических природно-климатических условиях.

Список источников и литературы

1. Бардина Р. К. Угорское население Нижнесосвинского Приобья (XVIII–XXI века). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. 291 с.
2. Волдина Т. В. Отражение многокомпонентности культуры казымских хантов в фольклорных материалах о богине Вут-ими // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 4. С. 111–123.
3. Волдина Т. В. Долгой жизни вековечный танец: реинкарнация в контексте мифоритуальных традиций обских угров. Тюмень: ФОРМАТ, 2016. 206 с.
4. Головнёв А. В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: Уральский рабочий, 1995. 606 с.
5. Головнёв А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; Волог, 2009. 496 с.
6. Головнёв А. В. Антропология движения: историческая методология и гуманитарная технология. URL: <https://www.gumilev-center.ru/antropologiya-dvizheniya-istoricheskaya-metodologiya-i-gumanitarnaya-tehnologiya/> (дата обращения: 17.02.2023).
7. Головнёв А. В. Дорожная карта антропологии движения // Уральский исторический вестник. 2012. № 2 (35). С. 4–14.
8. Головнёв А. В. Концептуализация мобильности в антропологии и этнографии // Уральский исторический вестник. 2018. № 3 (60). С. 6–15.
9. Головнёв А. В. Скорость в антропологии движения // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 57–78.
10. Головнёв А. В. Новая этнография Севера // Этнография. 2021. № 1 (11). С. 6–24.
11. Головнёв А. В., Белорусова С. Ю., Киссер Т. С. Очерки антропологии движения. СПб.: МАЭ РАН, 2020. 336 с.
12. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурьшкарский и приуральский диалекты) / С. И. Вальгамова, Н. Б. Кошкарёва, С. В. Онина, А. А. Шиянова. Екатеринбург: Баско, 2011. 207 с.
13. Дмитриева Т. Н. Топонимия бассейна реки Казым. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2005. 580 с.
14. Кашлатова Л. В. Женский пантеон обских угров. Тюмень: ФОРМАТ, 2017. 158 с.
15. Кашлатова Л. В. «Кочующий облик» женских божеств обских угров // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 1. С. 125–132.
16. Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим материалам. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.
17. Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 192 с.
18. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск: ВО Наука. Сибирская издательская фирма, 1992. 136 с.
19. Лукина Н. Ф. Формирование материальной культуры хантов (Восточная группа). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. 364 с.
20. Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. М.: ИЭиЭ РАН, 1998. 236 с.
21. Мифы, предания, сказки хантов и манси / пер. с хант., манс., немец. языков; сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной; под общ. ред. Е. С. Новик. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 568 с.
22. Могильников В. А., Соколова З. П. Ханты. Происхождение и этническая история. Гл. 2. // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энци. Нганасаны. Кеты. М.: Наука, 2005. С. 68–78.
23. Молданов Тимофей. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных ханты. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1999. 141 с.
24. Напольских В. Финно-угорские народы // Исторический журнал «Historicaldis». 2021. URL: <https://historicaldis.ru/blog/43155528526/Finno-ugorskie-narodyi> (дата обращения 17.04.2023).
25. Перевалова Е. В. В погоне за ногатым зверем // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. Вып. 4. С. 169–172.
26. Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 414 с.
27. Перевалова Е. В. Мифологизированные связи-пути локальных культур (обские угры) // Уральский исторический вестник. 2012. № 2 (35). С. 88–95.
28. Песикова А. С. Взгляд изнутри культуры. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2006. 98 с.
29. Попова С. А. Мифологические компоненты в этнической истории северной группы манси // Меньшиковские чтения–2015. СПб.: XVIII век, 2015. Вып. 10. С. 94–103.

30. Попова С. А. Миграции манси и фольклорные мотивы: к проблеме фольклора как исторического источника (на примере северной группы манси) // Вестник угроведения. 2016. № 4 (27). С. 101–114.
31. Попова С. А. Древнее население Северного Урала по мифам северных манси // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 4 (18). С. 89–97.
32. Попова С. А. От Урала до Оби: героический путь вождя-богатыря Намың Отыр'а (к вопросу о миграциях и сложении сосвинско-ляпинской группы манси) // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 4. С. 741–754.
33. Ромбандеева Е. И. Душа и звезды. Предания, сказания и обряды народа манси. Л.; Ханты-Мансийск: Стерх, 1991. 112 с.
34. Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: Северный дом, 1993. 208 с.
35. Скобелев С. Г. Миграции, угоны населения и их демографические последствия у народов Сибири в позднем Средневековье и Новое время // Мобильность и миграция: концепции, методы, результаты: программа и тезисы докладов V Международного симпозиума «Мобильность и миграция: концепции, методы, результаты (19–24 августа 2019 г.)». Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 102–105.
36. Соколова З. П. Формирование этнографических групп северных хантов и северных манси // К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск: Карел. фил. АН СССР, 1979. С. 34–48.
37. Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII – XIX вв.: Проблемы фратрии и рода. М.: Наука, 1983. 325 с.
38. Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь. СПб.: Миралл, 2006. 333 с.
39. Турутина П. Г. Лесные ненцы. Сказания земли Пурувской. Новосибирск: Изд-во СО РАН, ГЕО, 2004. 111 с.
40. Harzig C., Hoerder D., Gabaccia D. What is Migration History? Cambridge: Polity Press, 2009. 181 p.
41. Leed E. J. The Mind of the Traveler: From Gilgamesh to Global Tourism. New York: Basic Books, 1991. 352 p.
42. Low S. M., Merry S. E. Engaged Anthropology: Diversity and Dilemmas // Current Anthropology. 2010. Vol. 51. № 52. Pp. 203–226.
43. Schmidt É. Bear cult and Mythology of the Northern Ob-Ugrians // Uralic Mythology and folklor. Budapest: Akademiai kaido, 1989. Bd. I. 628 p.
44. Steinitz W. Ostjakologische arbeiten. Ostjakische Volksdichtung. Budapest: Akademiai kaido, 1975. Bd. I. 628 p.

References

1. Bardina R. K. *Ugorskoe naselenie Nizhnesos 'vinskogo Priob'ya (XVIII – XXI veka)* [Ugric population of the Lower Sosva Ob region (XVIII – XXI centuries)]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN Publ., 2011. 291 p. (In Russian)
2. Voldina T. V. *Otrazhenie mnogokomponentnosti kul'tury kazymskih hantov v fol'klornykh materialah o bogine Vut-imi* [Reflection of the multicomponent culture of the Kazym Khanty people in folklore materials about the goddess Vut-Imi]. *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology], 2021, no. 4, pp. 111–123. (In Russian)
3. Voldina T. V. *Dolgoj zhizni vekovechnyj tanec: reinkarnaciya v kontekste miforitual'nyh tradicij obskih ugrov* [The Eternal Dance of the Long Life: reincarnation in the context of the myth-ritual traditions of the Ob Ugrians]. Tyumen: FOR-MAT Publ., 2016. 206 p. (In Russian)
4. Golovnyov A. V. *Govoryashchie kul'tury. Tradicii samodijcev i ugrov* [The Talking Cultures. Traditions of the Samoyeds and Ugrians]. Yekaterinburg: Ural'skij rabochij Publ., 1995. 606 p. (In Russian)
5. Golovnyov A. V. *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoj Evrazii)* [Anthropology of movement (Antiquities of Northern Eurasia)]. Yekaterinburg: UrO RAN; Volot Publ, 2009. 496 p. (In Russian)
6. Golovnyov A. V. *Antropologiya dvizheniya: istoricheskaya metodologiya i gumanitarnaya tekhnologiya* [Anthropology of the movement: historical methodology and humanitarian technology]. Available at: <https://www.gumilev-center.ru/antropologiya-dvizheniya-istoricheskaya-metodologiya-i-gumanitarnaya-tekhnologiya/> (accessed February 17, 2023). (In Russian)
7. Golovnyov A. V. *Dorozhnaya karta antropologii dvizheniya* [Roadmap of the anthropology of movement]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2012, no. 2 (35), pp. 4–14. (In Russian)
8. Golovnyov A. V. *Konceptualizaciya mobil'nosti v antropologii i etnografii* [Conceptualization of mobility in anthropology and ethnography]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2018, no. 3 (60), pp. 6–15. (In Russian)
9. Golovnyov A. V. *Skorost' v antropologii dvizheniya* [Speed in anthropology of movement]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2020, no. 2, pp. 57–78. (In Russian)
10. Golovnyov A. V. *Novaya etnografiya Severa* [New ethnography of the North]. *Etnografiya* [Etnografia], 2021, no. 1 (11), pp. 6–24. (In Russian)
11. Golovnyov A. V., Belorussova S. Yu., Kisser T. S. *Ocherki antropologii dvizheniya* [Essays on anthropology of movement]. Saint-Petersburg: MAE RAN Publ., 2020. 336 p. (In Russian)
12. Valgamova S. I., Koshkaryova N. B., Onina S. V., Shiyanova A. A. *Dialektologicheskij slovar' hantyskogo yazyka (shuryshkarskij i priural'skij dialekty)* [Dialectological dictionary of the Khanty language (Shuryshkar and Ural dialects)]. Yekaterinburg: Basko Publ., 2011. 208 p. (In Khanty, Russian)

13. Dmitrieva T. N. *Toponimiya bassejna reki Kazym* [Toponymy of the Kazym River basin]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2005. 580 p. (In Russian)
14. Kashlatova L. V. *Zhenskij panteon obskikh ugrov* [Women's pantheon of the Ob Ugrians]. Tyumen: FORMAT Publ., 2017. 158 p. (In Russian)
15. Kashlatova L. V. "Kochuyushchij oblik" zhenskih bozhestv obskikh ugrov [The "wandering image" of women deities of the Ob Ugrians]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (1), pp. 125–132. (In Russian)
16. Kosarev M. F. *Osnovy yazycheskogo miroponimaniya: Po sibirskim arheologo-etnograficheskim materialam* [Fundamentals of pagan worldview: Based on Siberian archaeological and ethnographic materials]. Moscow: Ladoga – 100 Publ., 2003. 352 p. (In Russian)
17. Kulemzin V. M. *Chelovek i priroda v verovaniyah hantov* [Man and nature in the beliefs of the Khanty people]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 1984. 192 p. (In Russian)
18. Kulemzin V. M., Lukina N. V. *Znakom tes': hanty* [Meet: the Khanty]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1992. 136 p. (In Russian)
19. Lukina N. V. *Formirovanie material'noj kul'tury hantov (Vostochnaya grupa)* [Formation of the material culture of the Khanty people (Eastern group)]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 1985. 262 p. (In Russian)
20. Martynova E. P. *Ocherki istorii i kul'tury hantov* [Essays on the history and culture of the Khanty people]. Moscow: IEiE RAN Publ., 1998. 236 p. (In Russian)
21. *Mify, predaniya, skazki hantov i mansi* [Myths, legends, fairy tales of the Khanty and Mansi peoples]. Comp. by N. V. Lukina; ed. by E. S. Novik. Moscow: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury Publ., 1990. 568 p. (In Russian)
22. Mogilnikov V. A., Sokolova Z. P. *Hanty. Proiskhozhdenie i etnicheskaya istoriya. Gl. 2.* [Khanty people. Origin and ethnic history. Chapter 2]. *Narody Zapadnoj Sibiri: Hanty. Mansi. Sel'kupy. Nency. Ency. Nganasany. Kety* [Peoples of Western Siberia: Khanty people. Mansi people. Selkups. Nenets. Enets. Nganasans. Kets]. Moscow: Nauka Publ., 2005. pp. 68–78. (In Russian)
23. Moldanov T. *Kartina mira v pesnopeniyah medvezh'ih igrishch severnyh hanty* [Picture of the world in the songs of the Bear's Games of the Northern Khanty people]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 1999. 141 p. (In Russian)
24. Napol'skikh V. *Finno-ugorskie narody* [Finno-Ugric peoples]. *Istoricheskij zhurnal "Historicaldis"* [Historical journal "Historicaldis"], 2021. Available at: <https://historicaldis.ru/blog/43155528526/Finno-ugorskie-narodyi> (accessed April 17, 2023). (In Russian)
25. Perevalova E. V. *V pogone za nogastym zverem* [In pursuit of a leggy beast]. *Ohrannye arheologicheskie issledovaniya na Srednem Urale* [Protective archaeological research in the Middle Urals]. Yekaterinburg: Bank kul'turnoj informacii Publ., 2001. Iss. 4. pp. 169–172. (In Russian)
26. Perevalova E. V. *Severnye hanty: etnicheskaya istoriya* [Northern Khanty: ethnic history]. Yekaterinburg: UrO RAN Publ., 2004. 414 p. (In Russian)
27. Perevalova E. V. *Mifologizirovannye svyazi-puti lokal'nyh kul'tur (obskie ugry)* [Mythologized ways of local cultures (Ob Ugrians)]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2012, no. 2 (35), pp. 88–95. (In Russian)
28. Pesikova, A. S. *Vzglyad iznutri kul'tury* [A look from inside the culture]. Khanty-Mansiysk: Poligrafist Publ., 2006. 98 p. (In Russian)
29. Popova S. A. *Mifologicheskie komponenty v etnicheskoy istorii severnoj grupy mansi* [Mythological components in the ethnic history of the Northern Mansi group]. *Men'shikovskie chteniya* [Menshikov's Readings]. Saint-Petersburg: XVIII vek Publ., 2015. Iss. 10. pp. 94–103. (In Russian)
30. Popova S. A. *Migracii mansi i fol'klornye motivy: k probleme fol'klora kak istoricheskogo istochnika (na primere severnoj grupy mansi)* [Migrations of the Mansi people and folklore motifs: to the problem of the Mansi folklore as the historical source (on the example of the Northern group of the Mansi people)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2016, no. 4 (27), pp. 101–114. (In Russian)
31. Popova S. A. *Drevnee naselenie Severnogo Urala po mifam severnyh mansi* [The ancient population of the Northern Urals according to the myths of the Northern Mansi people]. *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology], 2017, no. 4 (18), pp. 89–97. (In Russian)
32. Popova S. A. *Ot Urala do Obi: geroicheskij put' vozhdya-bogatyrya Namyŋ Otyr'a (k voprosu o migracijah i slozhenii sos'vinsko-lyapinskoj grupy mansi)* [From the Urals to the Ob river: heroic way of the bogatyr Namyŋ Ōtyr (to the question of migrations and formation of the Sosva-Lyapin group of the Mansi people)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2018, no. 8 (4), pp. 741–754. (In Russian)
33. Rombandeeva E. I. *Dusha i zvezdy. Predaniya, skazaniya i obryady naroda mansi* [The Soul and the Stars. Legends and rituals of the Mansi people]. Leningrad–Khanty-Mansiysk: Sterh Publ., 1991. 112 p. (In Russian)
34. Rombandeeva E. I. *Istoriya naroda mansi (vogulov) i ego duhovnaya kul'tura (po dannym fol'klora i obryadov)* [History of the Mansi (Vogul) people and their spiritual culture (according to folklore and rituals)]. Surgut: Severnyj dom Publ., 1993. 208 p. (In Russian)
35. Skobelev S. G. *Migracii, ugony naseleniya i ih demograficheskie posledstviya u narodov Sibiri v pozdnem Srednevekov'e i Novoe vremya* [Migrations, population hijackings and their demographic consequences among the peoples of Siberia in the Late Middle Ages and Modern Times]. *Mobil'nost' i migraciya: koncepcii, metody, rezul'taty: programma i tezisy dokladov V*

Mezhdunarodnogo simpoziuma "Mobil'nost' i migraciya: koncepcii, metody, rezul'taty" (19–24 avgusta 2019 g.) [Mobility and migration: concepts, methods, results: program and abstracts of the V International Symposium "Mobility and Migration: Concepts, Methods, Results" (August 19–24, 2019)]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN Publ., 2019. pp. 102–105. (In Russian)

36. Sokolova Z. P. *Formirovanie etnograficheskikh grupp severnyh hantov i severnyh mansi* [Formation of ethnographic groups of the Northern Khanty and Northern Mansi peoples]. *K istorii malyh narodnostej Evropejskogo Severa SSSR* [To the history of the small nationalities of the European North of the USSR]. Petrozavodsk: Karel. fil. AN SSSR Publ., 1979. pp. 34–48. (In Russian)

37. Sokolova Z. P. *Social'naya organizaciya hantov i mansi v XVIII – XIX vv.: Problemy fratrii i roda* [Social organization of the Khanty and Mansi peoples in the XVIII – XIX centuries: Problems of phratry and kin]. Moscow: Nauka Publ., 1983. 325 p. (In Russian)

38. Solov'ov V. N. *Hantyjsko-russkij slovar'* [Khanty-Russian dictionary]. Saint-Petersburg: Mirall Publ., 2006. 333 p. (In Khanty, Russian)

39. Turutina P. G. *Lesnye nency. Skazaniya zemli Purovskoj* [Forest Nenets. Legends of the Land of Pur]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, GEO Publ., 2004. 111 p. (In Russian)

40. Harzig C., Hoerder D., Gabaccia D. *What is Migration History?* Cambridge: Polity Press, 2009. 181 p. (In English)

41. Leed E. J. *The Mind of the Traveler: From Gilgamesh to Global Tourism*. New York: Basic Books, 1991. 352 p. (In English)

42. Low S. M., Merry S. E. Engaged Anthropology: Diversity and Dilemmas. *Current Anthropology*, 2010, no. 51 (52), pp. 203–226. (In English)

43. Schmidt É. Bear cult and Mythology of the Northern Ob-Ugrians. *Uralic Mythology and folklor*. Budapest: Akademiai kaido, 1989. Bd. I. 628 p. (In English)

44. Steinitz W. *Ostjakologische arbeiten. Ostjakisches Volksdichtung*. Budapest: Akademiai kaido, 1975. Bd. I. 628 p. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сподина Виктория Ивановна, главный научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14 А, каб. 306), доктор исторических наук.

vspodina@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0-7831002-6252

ABOUT THE AUTHOR

Spodina Viktoria Ivanovna, Chief Researcher, Director of the Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira St., 14A), Doctor of Historical Sciences.

vspodina@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0-7831002-6252